

Т. И. Ерохина

Человек и текст: грани бытия русского символизма (1913 г.)

Выполнено по гранту РГНФ 12–03–137

В статье рассматриваются проблемы бытования русского символизма в 1913 г. Анализируется специфика представлений о символизме в официальной критике, определены особенности идентификации и самоидентификации поэтов-символистов, обозначены тенденции освоения и присвоения символистской поэзии в лирике начала XX в. На основе анализа энциклопедических словарей, изданных в России в конце XIX – начале XX в., автор обращает внимание на эволюцию представлений о декадентстве и символизме, акцентирует внимание на оценочных суждениях авторов энциклопедий. В статье осмыслено промежуточное положение символизма в русской поэзии начала XX в., осознание кризиса символизма поэтами-символистами.

Обращение к массовой поэзии 1913 г. позволило обозначить две взаимосвязанные тенденции освоения символистских текстов: подражание и пародирование. Автор отмечает амбивалентность и парадоксальность граней бытия русского символизма в 1913 г.

Ключевые слова: русский символизм, самоидентификация, декадентство, грани бытия, подражание, пародии, художественная культура, кризис.

Т. I. Erokhina

Man and Text: the verges of Existence of Russian Symbolism (1913)

The article considers the problems of Russian symbolism's existence in 1913. The author analyses the specificity of views on symbolism in the official criticism, determines the characteristic of identification and self-identification of symbolist poets, and identifies tendencies of development and appropriation of the symbolist poetry in the lyrics in the beginning of the twentieth century. Based on the analysis of encyclopedic dictionaries which were published in Russia in late XIX-early XX centuries, the author pays attention to the evolution of notions of decadence and symbolism, focuses on the opinion of the encyclopedias' authors. It is examined an intermediate position of symbolism in Russian poetry in the beginning of twentieth century. Poets-symbolists made aware of the crisis of symbolism in that time.

Appeal to the mass poetry in 1913 made it possible to distinguish two interrelated trends of development of symbolist texts: imitation and parody. The author notes ambivalence and paradox of Russian symbolism's existence in 1913.

Keywords: Russian symbolism, self-identification, decadence, the verges of being, imitation, parody, art culture, crisis.

Начало XX в. ознаменовано в русской художественной культуре несколькими тенденциями: новой волной символизма, начавшего активное отмежевание от декадентства конца XIX в., зарождением акмеизма, первыми шагами футуризма. В контексте социальных потрясений, исторических знаковых событий, в преддверии Первой мировой войны проблемы самоидентификации русских символистов (и не только символистов) выходят на первый план, поскольку именно процесс самоидентификации позволяет не только подвести итоги, но и наметить дальнейшие пути творческого развития.

Осознание *граней* (многогранности) художественного развития и проблем *границ* творчества приводит символистов к осмыслению хронологических рамок рождения и завершения симво-

лизма в России, а также к созданию новых текстов и контекстуальных связей.

Рассмотрим проблему существования русского символизма в 1913 г. в аспекте следующих граней бытия:

- определение места и роли символизма в русской поэзии, представленное в работах критиков-современников;
- идентификация и самоидентификация поэтов, представленная в текстах символистов и поэтов-современников;
- отклики («отражения») поэзии символистов в русской поэзии начала XX в.

Осмысление *первого аспекта* связано с анализом энциклопедических изданий, которые выходили в России в конце XIX – начале XX в. и претендовали на отражение наиболее значимых и вместе с тем актуальных явлений культуры.

Источниками исследования стали следующие издания: «Энциклопедический словарь» издания Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона в 82 тт., СПб., 1890–1904 гг., а также дополнительные 4 тома «Энциклопедического словаря», изданные в 1905–1907 гг.; «Энциклопедический словарь» Ф. Павленкова, 5-е издание, СПб., 1913; а также «Новый энциклопедический словарь» издания Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона в 29 тт., СПб. – Петроград.

Выбор данных словарей обусловлен как минимум двумя причинами.

Во-первых, «Энциклопедические словари» издательства Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона представляли собой многотомные издания, рассчитанные на достаточно полное и научное освещение явлений культуры. Авторами интересующих нас статей, посвященных декадентству и символизму, были историки литературы, философы, художники (А. Горнфельд, Д. Философов, С. Венгеров, В. Брюсов). Словарь Ф. Павленкова изначально издавался с расчетом на «среднего интеллигентного читателя», о чем заявлено в предисловии к первому изданию. Сравнение этих словарей позволяет нам обратить внимание на разные уровни восприятия символизма как художественного явления: уровень специальный и уровень обывательский.

Во-вторых, сравнение «Энциклопедического» и «Нового Энциклопедического» словарей издания Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона (интересующие нас тома выходили с разницей от 10 до 15 лет) позволяют проследить динамику в отношении формирования и развития оценок символизма.

Каким же фактам и именам, характеризующим декадентство и символизм, уделяют внимание авторы статей и издатели?

Обратимся к 58 тому «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, вышедшему в 1900 г. Отметим два знаменательных факта: тождество понятий *символизм* и *декадентство*, обозначенное автором статьи – А. Горнфельдом, а также анализ исключительно французской поэзии конца 50-х гг.

Первый факт объясняется автором статьи довольно формально: символизм – кличка случайная и поверхностная, но менее обидная, чем декадентство, под которым понимается упадок, некоторая патология и т. д. Внутренних различий, таким образом, не существует, так как и декаденты, и символисты стремятся к индивидуализму.

Второй факт также предполагает довольно простое объяснение: декадентство и символизм – явления, *заимствованные* в русской культуре, следовательно, вторичные и, вероятнее всего, преходящие. Надо, впрочем, заметить, что т. 55 «Энциклопедии» все же содержит ссылки на данное художественное течение в России. В статье, посвященной анализу русской литературы, есть указание на кризис в русской культуре 90-х гг., ставший «почвой, на которой вырастает пустоцвет декадентского равнодушия к истине и презрения к самопожертвованию» [19, т. 55, с. 649]. Перечислены и имена русских декадентов, последовавших примеру французского искусства: Д. Мережковский, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, К. Бальмонт. При этом подчеркнута негативная оценка данного явления, а также творчества художников русской культуры конца XIX в.: «В литературе проповедь эгоизма и извращенных вкусов идет только от нескольких второстепенных дарований» [19, т. 55, с. 649].

«Энциклопедия» уделяет мало внимания персональным статьям, посвященным жизни и творчеству писателей-символистов (отметим, правда, что т. 4, в котором могли бы существовать данные именные статьи, вышел еще в 1891 г., рождение же русского символизма определено 1890 г., следовательно, невозможно требовать столь оперативного отражения событий от авторов «Энциклопедии»). Очень немногочисленные сведения даны только о Д. Мережковском и Ф. Сологубе.

Вместе с тем, с течением времени позиция авторов меняется, свидетельством чему становятся дополнительные 4 тома к «Энциклопедическому словарю», изданные в 1905–1907 гг., которые предлагают вниманию читателей более обширные сведения о представителях символизма.

Символизм утверждает свои позиции, благодаря чему большая и обстоятельная статья в первом дополнительном томе посвящена К. Бальмонту, названному известным символистским поэтом. В этом же томе В. Брюсов определен как талантливый поэт, а А. Белый – как поэт-декадент, «самый яркий представитель того начального периода “декадентства”, от которого уже отделились возмужавшие представители этого направления (Брюсов)» [20, т. 1, с. 348]. Дополнительные тома содержат также небольшие статьи о творчестве Д. Мережковского и З. Гиппиус, Вяч. Иванова и Ф. Сологуба (в «Энциклопедии» – Ф. Тетерникова). Тем не менее, признавая литературный талант всех вышеперечисленных авторов, авторы статей не делают никаких выводов о влиянии декадентства и символизма на русскую культуру.

численных художников, автор статей (С. Венгеров) не скрывает своей негативной оценки декадентства. В интерпретации критика, лучшие черты творчества писателей не имеют никакого отношения к символизму как художественному течению, а скорее формируются вопреки его влиянию. Так, Ф. Сологуб является трагическим и истинно скорбным писателем, в то время как декадентство приветствует только «напускные чувства, ходульность и напряженность» [20, т. 4, с. 753].

«Энциклопедический словарь» Ф. Павленкова, вышедший в свет в 1913 г., представляет особый интерес. Опираясь на точки зрения современных исследователей, символизм уже завершает свое развитие в 1910 г., следовательно, год 1913 должен либо подтвердить данную версию, либо опровергнуть ее. «Энциклопедический словарь» дает характеристику декадентству-символизму. В данном случае перед нами прежнее тождество, но, тем не менее, издатель не ограничивается ссылкой «декадент – см. символист».

Подчеркиваются наиболее яркие внешние проявления декадентства, скорее характеризующие формальные приемы, а не содержание данного явления: «направление в литературе, основное положение которого: смысл и жизненная правда не обязательны для поэзии, почему истинно поэтическое произведение может представлять музыкальное сочетание слов без логической связи» [18, стлб. 646]. Подтекст подобной интерпретации скорее негативен, чем объективен, в то время как определение символизма кажется нам нейтральным и даже претендующим на объективный анализ сложившегося художественного течения. Истоки символизма обнаруживаются в искусстве Древнего Египта, подчеркивается роль символа как условного изображения понятий и чувствований и утверждается, что «ныне символизм присущ всем родам искусства», хотя автор тут же добавляет – «нередко доходя до крайности» [18, стлб. 2387]. Несмотря на последнее замечание, налицо – реабилитация символизма как художественного течения, которое приобретает свою историю, категории и непреходящее значение в искусстве.

По отношению к русским поэтам также предпринята попытка отграничить декадентов и символистов, хотя принципы деления не определены и не прокомментированы. К числу декадентов автор относит К. Бальмонта («поэт-декадент; наиболее даровитый представитель этой школы в

России» [18, стлб. 198]), В. Брюсова («декадент, автор сборников “Русские символисты”, “Шедевры» и др.» [18, стлб. 301]), Ф. Сологуба («крупнейший представитель русского декадентства с печатью демонизма и вместе с тем с сильным оттенком трагического, скорбного элемента» [18, стлб. 2387]). В качестве символиста выступает Вяч. Иванов («представитель крайнего символизма» [18, стлб. 812], суть «крайности», впрочем, не разъясняется).

Затруднение вызвала чета Мережковских; по-видимому, не сумев определить принадлежность этих писателей к какой-либо одной школе, автор обозначил Д. Мережковского как поэта и критика (вне школы), упрекнув его произведения в красоте «по форме» и «незначительности по содержанию» [18, стлб. 1386]. При этом З. Гиппиус выступает в роли и декадентки, и символистки одновременно: «беллетристка и поэтесса в декадентском и символистском вкусе» [18, стлб. 1386].

В целом, мы видим, что характеристики представителей декадентства и символизма в этом издании приобретают новое звучание, причем немаловажную роль играет попытка определить своеобразие творческой манеры каждого художника, хотя характеристики эти зачастую не лишены ироничного оттенка. Показательно, что больший интерес для публики и издателей, по-видимому, представляют все же декаденты. За исключением Вяч. Иванова, «Энциклопедический словарь» игнорирует художников-символистов, оставляя за пределами своего внимания таких талантливых и уже известных к 1913 г. поэтов, как А. Белый и А. Блок.

Таким образом, «Энциклопедический словарь» Ф. Павленкова, с одной стороны, определяет декадентство и символизм как явления «сегодняшнего» дня, не лишая их права на существование и возможное развитие. Более того, учитывая задачи издания, предполагается, что «средний интеллигент» должен видеть различия между декадентством и символизмом, что подразумевает интерес публики и немаловажное значение этих течений в художественной жизни современной России. С другой стороны, выбор имен скорее говорит о признании заслуг исключительно символистов старшего поколения, что само по себе скорее свидетельствует о признании поэтического достояния прошлого символизма как течения, чем перспектив его дальнейшего развития.

«Новый энциклопедический словарь» издательства Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона пред-

ставляет собой, по сути, доработанное издание уже известного нам «Энциклопедического словаря». По замыслу издателей, этот словарь должен отразить изменения, которые произошли в русской культуре и не нашли должных комментариев в предыдущей «Энциклопедии». Предполагалось, что «Новый энциклопедический словарь» будет состоять из 48 томов. К сожалению, выпуск этого издания не был завершен, поэтому предложенный нами анализ статей вынужденно ограничен (свет увидело 29 тт.).

Тем не менее, мы можем проследить определенную динамику в отношении оценки творчества русских символистов. «Новый энциклопедический словарь» дает представление обо всех значимых представителях русского декадентства, хотя и в разном объеме. Так небольшая статья в 13 томе знакомит читателя с лирикой З. Гиппиус, подчеркивая самостоятельное место этой писательницы в русской литературе. Невелика статья, посвященная А. Блоку (автор – С. Городецкий), кратким оказался отзыв В. Брюсова о Вяч. Иванове, который становится «известным поэтом для немногих» и грешит, по мнению В. Брюсова, сложностью языка. Зато довольно большая аналитическая статья, написанная Д. Философовым, исследует творчество А. Белого.

Самые же объемные и глубокие по содержанию статьи посвящены, как и в дополнительном томе 1905 г. к вышеназванному «Энциклопедическому словарю», жизни и творчеству К. Бальмонта и В. Брюсова (в обоих случаях автором был историк литературы С. Венгеров). Поэзия К. Бальмонта определяется критиком как «типичная символическая поэзия смутного настроения и очертаний туманных» [10, т. 4, с. 929]; а В. Брюсов признается «одним из создателей русского модернизма» [10, т. 8, с. 320] (показателен новый термин для обозначения декадентства и символизма в России), с. Венгеров подчеркивает роль обоих поэтов в русской литературе и, таким образом, отчасти реабилитирует символизм как художественное течение: «Всякая сколько-нибудь беспристрастная оценка не может не констатировать, что Брюсов, вместе с Бальмонтом, снова после долгих лет читательского равнодушия приковал к русской поэзии всеобщее внимание» [10, т. 8, с. 320].

Итак, мы можем говорить о двух тенденциях восприятия символизма в 1913 г. С одной стороны, сравнение «Энциклопедического» и «Нового Энциклопедического» словарей позволяет выявить положительную динамику развития сим-

волизма: он завоевывает и укрепляет позиции в русской художественной жизни, привлекает внимание критиков и расширяет круг имен своих представителей. И если первоначальные отклики на русское декадентство имели в основном негативные оценки, то уже к 1913 г. символизм оценивается как самобытное и значимое явление в русской культуре.

С другой стороны, налицо определенная ирония к декадентству и «равнодушие» «среднего интеллигента» к символизму как художественному явлению. И с этой точки зрения, можно предположить, что подобное невнимание – свидетельство угасающего интереса к декадентству, расцвет которого приходился на 1900-е гг.

Второй аспект бытия символизма связан с проблемами идентификации и самоидентификации поэтов-символистов, позицию которых, в том числе по отношению к границам символизма (именно – к хронологическим рамкам), мы и попытаемся обозначить.

Для символистов внимание к границам (а не только к граням) бытия связано с определением исторического значения символизма для русской культуры.

Громче всех о завершении эпохи символизма говорят «младшие» – Вяч. Иванов и А. Белый. Не случайно Вяч. Иванов в 1910 г. публикует «Заветы символизма» [8, с. 180–190], которые должны рассматриваться в качестве своеобразного завещания последующим художественным течениям и школам, а в 1912 г. выходят в свет «Мысли о символизме» [8, с. 191–195], предлагающие теорию и историю данного явления в культуре. Позицию Вяч. Иванова поддерживает А. Белый, для которого 1910 г. также становится годом подведения итогов и издания критических и аналитических сборников «Символизм. Книга статей» и «Луг зеленый. Книга статей» [1, т. 1, с. 249–390]. Вместе с этим, высказывания Вяч. Иванова и А. Белого не только определяют конец символизма, но и доказывают его бессмертие и главенствующую роль в искусстве, что, естественно, ставит под сомнение пафос произносимых эпитафий символизму: «”Символизм умер?” – спрашивают современники. “Конечно, умер!” – отвечают иные. Им лучше знать, умер ли для них символизм. Мы же, умершие, свидетельствуем, шепча на ухо пирующим на наших поминках, что смерти нет» [8, с. 195].

Многие современные исследователи [11; 21] склонны считать 1910 г. границей, а точнее – концом русского символизма. А. Пайман, автор

«Истории русского символизма», завершает хронологию символизма 1910 г., аргументируя свою точку зрения от обратного – появлением новых литературных течений и сложившейся атмосферой в символистской среде: «"конец символизма", о котором, по утверждению А. Белого, говорили в "Башне" прошлой осенью "в шутку", становится главной темой дня» [11, с. 343].

Полагаем, что указание на рубежный характер 1910 г. логично, но не бесспорно. Действительно, 1910 г. – время разброда и смятения, переоценки роли символизма, внутренних противоречий и споров, в которые включены почти все символисты. Вместе с публикацией Вяч. Иванова в журнале «Аполлон» появляется статья А. Блока «О современном состоянии русского символизма»; Эллис издает книгу «Русские символисты», обозначая символизм как «живое литературное и идейное движение» [17, с. 6] и определяя прошлое символизма (которым стал К. Бальмонт), настоящее (В. Брюсов) и будущее (А. Белый). Фактически отстраняется от символизма В. Брюсов, который, впрочем, также включается в полемику, отвергая мистическое предназначение символизма и ограничивая это течение только рамками искусства. Д. Мережковского гораздо больше интересуют общественные проблемы, свидетельством чего становится сборник статей «Большая Россия», Ф. Сологуб игнорирует разгоревшийся спор, как и К. Бальмонт, которого символисты перестают считать своим соратником (по словам В. Брюсова (1911 г.), «как писатель <...> Бальмонт, конечно, уже сказал свое последнее слово» [11, с. 344]).

Помимо усиления внутренних противоречий, активизируется внешняя критика символизма, предпринятая, прежде всего, представителями новых художественных течений – футуристами и особенно акмеистами. В 1910 г. появляются «Письма о русской поэзии» Н. Гумилева, содержащие довольно критические оценки творчества ряда символистов (в частности Вяч. Иванова, Ф. Сологуба) [4]. Но лишь в 1913 г. выходит в свет статья «Наследие символизма и акмеизм», провозглашающая конец символизма: «Для внимательного читателя ясно, что символизм закончил свой круг развития и теперь падает. И то, что символические произведения уже почти не появляются, а если и появляются, то крайне слабые, даже с точки зрения символизма, и то, что все чаще и чаще раздаются голоса в пользу пересмотра еще так недавно бесспорных ценностей и репутаций, и то, что появились футури-

сты, эго-футуристы и прочие гиены, всегда следующие за львом» [4, с. 55].

Безусловно, художественная практика символистов не завершается 1910-м г. Какими бы острыми ни были литературные споры, как бы ни оценивалось предназначение и концепции символизма к 1913 г., сколько бы ни утверждали современники, что поэты-символисты повторяют и «перепевают» свои прежние мотивы, будучи не в состоянии сотворить что-либо новое и оригинальное, налицо остаются неоспоримые для читателей и критиков факты. Важный символистский трактат К. Бальмонта «Поэзия как волшебство» опубликован в 1915 г., знаменитый двухтомный сборник Вяч. Иванова "Corardens" объединяет лирику 1911–1912 гг., а в 1913 г. поэт переезжает из Петербурга в Москву, где в 1916–1917 гг. появляются его философские и критические трактаты «Борозды и межи» и «Родное и вселенское». Наконец, самые символические произведения «двух самых великих русских символистов, Белого и Блока» (по утверждению авторов «Энциклопедии символизма» [20, с. 200]) были написаны после 1910 г., а точнее – что для нас немаловажно! – в 1913 г. Это роман А. Белого «Петербург», драма А. Блока «Роза и Крест», а позже – «Стихи о России» (1915), «Двенадцать» и «Скифы» (1918).

Таким образом, 1910 г. мы определяем в качестве переломного, считая, что символизм, вероятно, исчерпал свои возможности в качестве литературной школы, течения, сложившегося в русской художественной культуре конца XIX – начала XX в. Заметим: некоторые исследователи считают 1910 г. переломным не только для русской, но и для европейской культуры: «1910 год характерен как никогда густым напластованием самых различных тенденций, художественных и общественных. Время, когда воедино сплелись искусство и жизнь, «верха и низы», прошлое и будущее, концы и начала, трагические утраты и новые обретения» [16, с. 104].

Еще более показательное отношение к символизму, обнаруженное в поэзии 1913 г. «Отражения» поэзии символистов в русской поэзии начала XX в. – *третий аспект* бытия символизма в русской культуре.

Анализ поэтических сборников того периода, а также сведения, собранные и систематизированные О. Лекмановым [9], позволяют выделить как минимум две тенденции восприятия/отношения к символизму: подражание и пародирование.

Обе тенденции свидетельствуют о существовании «моды» на символизм, а значит характеризуют символизм как явление, вышедшее за пределы «элитарности», замкнутости и неизвестности.

Так, наиболее активно осваивалась и фактически копировалась поэтика К. Бальмонта, В. Брюсова, А. Блока. В качестве примеров можно привести следующие строки:

– *подражание В. Брюсову:*

Ты мне в неотвратимом сне приснилась
И с дрожью радостной сошла творить обряд,
И было сладостно испить священный яд
И долго, долго стыть, пока ты возле тмилась.

А. Ефременков. «Из сонаты» [7]

И электрические луны
Висят над окнами домов.
Перехожу я мост чугунный,
Не слыша собственных шагов.

Г. Рыбинцев.

«Брожу по улицам пустынным» [13]

– *подражание А. Блоку:*

Но вот приходит он таинственный,
И я бросаю танцевать,
Сажусь с тобою, друг единственный,
На эту яркую кровать.

А. Доброхотов. «Проститутка» [5]

В ресторанных накуренных залах
Звенят бокалами, гнусавят скрипки.
Поймет ли та, кому я шлю улыбки,
Больной ужас желаний усталых.

Г. Рыбинцев. «В ресторане» [13]

О. Лекманов обозначает подобное подражание символистам графоманией в русской культуре начала XX в., подчеркивая низкий уровень подобных псевдосимволистских поэтических изысканий.

Таким образом, возникает дополнительный уровень общения поэтов-символистов с читателями и моделирование идеального читателя в культуре русского символизма: уровень противопоставления «истинного» и «ложного» символизма, отмеченный в свое время в статье М. Л. Гаспарова: «Модернизм никоим образом не исчерпывает русскую поэзию начала века. <...> Массовая печать заполнялась массовой поэзией, целиком производившейся по гражданским образцам 1870-х гг. и лирическим образцам 1880-х гг. Модернисты намеренно поддерживали этот выигрышный для них контраст, они не

только боролись за читателя, но и отгораживались от читателя» [2, с. 7].

Не останавливаясь специально на «подражательном» этапе, характерном для многих великих поэтов в начале творческого пути, отметим, что в данном случае речь идет о лирике «второго ряда». В связи с этим подражание становится способом освоения и присвоения символистской эстетики массовой культурой.

Другой стороной подобного освоения являются пародии на русских символистов. К числу первых пародийных откликов можно отнести знаменитую статью Вл. Соловьева «Русские символисты», в которой он остроумно и не без сарказма подвергает критическому разбору лирику В. Брюсова, в том числе знаменитое стихотворение «Творчество», особо выделяя строку «всходит месяц обнаженный при лазоревой луне»: «Замечу, что обнаженному месяцу всходить при лазоревой луне не только неприлично, но и вовсе невозможно, так как месяц и луна суть только два названия для одного и того же предмета» [14, с. 151].

Но особый интерес представляют собой пародийные стихотворения, которые, как правило, пародируют символистскую поэтику. Отметим, в частности, пародию на указанное выше стихотворение В. Брюсова:

Коль будет у тебя воочью
Такой оптический обман,
Что две луны увидишь ночью, –
Ну, значит, ты, мой милый, пьян.

П. Голощипов [3]

Пародийным можно считать и стихотворение Б. Дубиновского, в котором обнаруживается поэтика К. Бальмонта:

Я – поэт для взалкавших немногих,
Я – поэт предпоследних ступеней,
Там, где света ползучие блики
Переходят в холодные тени
И шуршат на пороге.

Б. Дубиновский. «У порога» [6]

Кроме того, достаточно большое количество стихотворений высмеивало символизм и декадентство как таковое или конкретных авторов-символистов, например:

Конек мой – «Хам» во имя Бога...
Пред мной широкая дорога:
Стремлюсь я радостно вперед –
Туда, где молится народ...
Хочу молиться там и я. Но ах, –

С конька свалился я во прах: –
 Мой «Хам» проклятый засакал
 И в степь на волю ускакал.
 И. Радецкий «Страшный “Хам”
 (Посвящается Мережковскому)» [12]

Промчался век богатырей, –
 Пошли Бальмонты, Сологубы –
 Стихов красивых душегубы
 И воспеватели страстей.
 В. Терновский «Наши дни» [15]

О. Лекманов составляет показательную таблицу, в которой отмечает имена тех поэтов, которые становились предметом наиболее пристального внимания «графоманов», среди них лидируют К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Блок [9], что также свидетельствует о появлении новых граней восприятия символизма в русской культуре.

Таким образом, отметим, что 1913 г. становится годом появления новых граней бытия русского символизма, среди которых наиболее существенны грани официального признания символизма как значимого и самобытного явления русской поэзии начала XX в.; грани самоидентификации и необходимости внутреннего размежевания, подведения итогов поэтами-символистами, осознающими ситуацию кризиса символизма и формирования новых художественных течений в русской поэзии; грани амбивалентности символизма, который, сознательно подчеркивая свою элитарность, начинает активно осваиваться и воспроизводиться представителями массовой культуры.

Библиографический список

- Белый, А. Критика. Эстетика. Теория символизма [Текст] : в 2 т. / А. Белый. – Т. 1. – М.: Искусство, 1994; Т. 2. – М.: Искусство, 1994.
- Гаспаров, М. Л. Поэтика «серебряного века» [Текст] / М. Л. Гаспаров // Русская поэзия Серебряного века. 1890–1917: Антология. – М.: Наука, 1993.
- Голощапов, П. Стихотворения [Текст] / П. Голощапов. – Луга: Тип. Б. Н. Нейман, 1913.
- Гумилев, Н. Письма о русской поэзии [Текст] / Н. Гумилев. – М.: Современник, 1990.
- Доброхотов, А. Песни воли и тоски: 1900–1912 (за 12 лет) [Текст] / А. Доброхотов. – М.: Печ. А. И. Снегиревой, 1913.
- Дубиновский, Б. Предутренние мерцанья: Стихи (1911–1913) [Текст] / Б. Дубиновский. – М., 1913.
- Ефременков, А. Florilegium: Стихи; Баркаролы; Элегии; Эротика; Арабески; Мирный сон; Ноктюрн. Кн. 1: (1908–1911) [Текст] / А. Ефременков. – Тифлис, 1913.
- Иванов, Вяч. И. Родное и вселенское [Текст] / Вяч. И. Иванов. – М.: Республика, 1994.
- Лекманов, О. Русская поэзия в 1913 году. Часть первая [Электронный ресурс] / О. Лекманов // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 1. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/3247>
- Новый энциклопедический словарь [Текст] : в 29 т. СПб. – Петроград : Ф. Брокгауз, И. Ефрон, 1911–1916. – Т. 4 : Аскания – Балюз. – [1911]. – 952 с., 21 л. ил., портр., карт.; Т. 6 : Берар – Бобровникова. – [1912]. – 960 с., 17 ил., портр., карт.; Т. 8 : Брачный наряд – Белорусы. – [1912]. – 964 с., 29 л. ил., портр.; Т. 9 : Белорыбица – Вельможа. – [1912]. – 960 с., 16 л. ил.; Т. 18 : Жукова – Ивница. – [1914]. – 960 с., 2 с, 28 л. ил., портр., карт.
- Пайман, А. История русского символизма [Текст] / А. Пайман. – М.: Республика, 1998.
- Радецкий, И. М. Из мрака к свету и любви: (Песни скорби и гнева) [Текст] / И. М. Радецкий. – Одесса: Изд. журн. «Настоящее и будущее», 1913.
- Рыбинцев, Георгий. Ожерелье из слез и цветов [Текст]. – М., 1913.
- Соловьев, В. Русские символисты [Текст] // В. С. Соловьев. Литературная критика. – М.: Современник, 1990.
- Терновский, В. Книга настроений [Текст] / В. Терновский. – СПб.: Коммерч. Тип, 1913.
- Тихвинская, Л. Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: Кабаре и театры миниатюр в России – 1908–1917 [Текст] / Л. Тихвинская. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 527 с.
- Эллис (Кобылинский Л.). Русские символисты [Текст] / Эллис (Л. Кобылинский). – Томск : Водолей, 1996. – 288 с.
- Энциклопедический словарь Ф. Павленкова [Текст]. – 5-е изд. – СПб.: Тип. Санкт-Петерб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1913. – 1050 с.
- Энциклопедический словарь [Текст] : в 82 т. СПб.: Ф. Брокгауз, И. Ефрон, 1890–1904. – Т. 19 (37) : Мекенен – Мифу-Баня. – 1896. – 476 с., 12 л. ил., карт.; Т. 28 (55) : Россия и Саварна. – 1899. – 421–874 с., 16 л. ил., карт., табл.; Т. 29А (58) : Семь озер – Симфония. – 1900. – 469–954 с., 16 л. ил., карт.; Т. 30А (60) : Слюз – София Палеолог. – 1900. – 481–960 с., 22 л. ил., карт., табл.
- Энциклопедический словарь. [Текст] : доп. 4 т. СПб.: Ф. Брокгауз, И. Ефрон, 1905–1907. – Т. 1 (1) : Аа – Вяхирь. – 1905. – 478 с., 6 л. ил., карт.; Т. 1А (2) : Гагская конференция – Кочубей. – 1905. – 481–956 с., 3 л. ил., карт.; Т. 2 (3) : Кошбух – Прусик. – 1906. – 480 с., 8 л. ил., карт.; Т. 2А (4) : Пруссия – Фома. Россия. – 1907. – 481–934 с., 19 л. ил., карт.
- Энциклопедия символизма: Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка [Текст] / [Ж. Кассу, П. Брюнель, Ф. Клодон и др.]. – М.: Республика, 1998. – 429 с.

Bibliografičeskij spisok

1. Belyj, A. Kritika. Èstetika. Teoriâ simvolizma [Tekst] : v 2 t. / A. Belyj. – T. 1. – M.: Iskusstvo, 1994; T. 2. – M.: Iskusstvo, 1994.
2. Gasparov, M. L. Poëtika «serebrânogo veka» [Tekst] / M. L. Gasparov // Russkaâ poëziâ Serebrânogo veka. 1890–1917: Antologîâ. – M.: Nauka, 1993.
3. Gološapov, P. Stihotvoreniâ [Tekst] / P. Gološapov. – Luga: Tip. B. N. Nejman, 1913.
4. Gumilev, N. Pis'ma o ruskoj poëzii [Tekst] / N. Gumilev. – M.: Sovremennik, 1990.
5. Dobrohotov, A. Pesni voli i toski: 1900–1912 (za 12 let) [Tekst] / A. Dobrohotov. – M.: Peč. A. I. Snegirevoj, 1913.
6. Dubinovskij, B. Predutrennie mercan'â: Stihi (1911–1913) [Tekst] / B. Dubinovskij. – M., 1913.
7. Efremenkov, A. Florilegium: Stihi; Barkaroly; Èlegii; Èrotika; Arabeski; Mirnyj son; Noktûrn. Kn. 1: (1908–1911) [Tekst] / A. Efremenkov. – Tiflis, 1913.
8. Ivanov, Vâč. I. Rodnoe i vselenskoe [Tekst] / Vâč. I. Ivanov. – M.: Respublika, 1994.
9. Lekmanov, O. russkaâ poëziâ v 1913 godu. Čast' pervââ [Èlektronnyj resurs] / O. Lekmanov // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2013. – № 1. – Režim dostupa: <http://www.nlobooks.ru/node/3247>
10. Novyj ènciklopedičeskij slovar' [Tekst] : v 29 t. SPb. – Petrograd : F. Brokgauz, I. Efron, 1911–1916. – T. 4 : Askaniâ – Balûz. – [1911]. – 952 s., 21 l. il., portr., kart.; T. 6 : Berar – Bobrovnikova. – [1912]. – 960 s., 17 il., portr., kart.; T. 8 : Bračnyj narâd – Belorusy. – [1912]. – 964 s., 29 l. il., portr.; T. 9 : Belorybica – Vel'moža. – [1912]. – 960 s., 16 l. il.; T. 18 : Žukova – Ivnica. – [1914]. – 960 s., 2 s, 28 l. il., portr., kart.
11. Pajman, A. Istoriâ russkogo simvolizma [Tekst] / A. Pajman. – M.: Respublika, 1998.
12. Radeckij, I. M. Iz mraka k svetu i lûbvi: (Pesni skorbi i gneva) [Tekst] / I. M. Radeckij. – Odessa: Izd. žurn. «Nastoâšee i buduše», 1913.
13. Rybincev, Georgij. Ožerel'e iz slez i cvetov [Tekst]. – M., 1913.
14. Solov'ev, V. russkie simvolisty [Tekst] // V. S. Solov'ev. Literaturnââ kritika. – M.: Sovremennik, 1990.
15. Ternovskij, V. Kniga nastroenij [Tekst] / V. Ternovskij. – SPb.: Kommerč. Tip, 1913.
16. Tihvinskaâ, L. Povsednevnaâ žizn' teatral'noj bogemy Serebrânogo veka: Kabare i teatry miniatûr v Rossii – 1908–1917 [Tekst] / L. Tihvinskaâ. – M.: Molođaâ gvardiâ, 2005. – 527 s.
17. Èllis (Kobyliinskij L.). russkie simvolisty [Tekst] / Èllis (L. Kobyliinskij). – Tomsk : Vodolej, 1996. – 288 s.
18. Ènciklopedičeskij slovar' F. Pavlenkova [Tekst]. – 5-e izd. – SPb.: Tip. Sankt-Peterb. t-va peč. i izd. dela «Trud», 1913. – 1050 s.
19. Ènciklopedičeskij slovar' [Tekst] : v 82 t. SPb.: F. Brokgauz, I. Efron, 1890–1904. – T. 19 (37) : Mekenen – Mifu-Banâ. – 1896. – 476 s., 12 l. il., kart.; T. 28 (55) : Rossiâ i Savarna. – 1899. – 421–874 s., 16 l. il., kart., tabl.; T. 29A (58) : Sem' ozer – Simfoniâ. – 1900. – 469–954 s., 16 l. il., kart.; T. 30A (60) : Slûz – Sofiâ Paleolog. – 1900. – 481–960 s., 22 l. il., kart., tabl.
20. Ènciklopedičeskij slovar'. [Tekst] : dop. 4 t. SPb.: F. Brokgauz, I. Efron, 1905–1907. – T. 1 (1) : Aa – Vâhir'. – 1905. – 478 s., 6 l. il., kart.; T. 1A (2) : Gaagskaâ konferenciâ – Kočubej. – 1905. – 481–956 s., 3 l. il., kart.; T. 2 (3) : Košbuh – Prusik. – 1906. – 480 s., 8 l. il., kart.; T. 2A (4) : Prussiâ – Foma. Rossiâ. – 1907. – 481–934 s., 19 l. il., kart.
21. Ènciklopediâ simvolizma: Živopis', grafika i skul'ptura. Literatura. Muzyka [Tekst] / [Ž. Kassu, P. Brûnel', F. Klodon i dr.]. – M.: Respublika, 1998. – 429 s.